

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ**

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ

**МАША ТРАУБ. НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА**

ВЕРА КОЛОЧКОВА. ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ

ВЕРА КОЛОЧКОВА. МУЖ В ОБМЕН НА СЧАСТЬЕ

ВЕРА КОЛОЧКОВА. ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. ТОТ, КТО НАЗНАЧЕН СУДЬБОЙ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. ЛЮБОВЬ СО ВКУСОМ ВИШНИ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. РУКИ МОЕЙ НЕ ОТПУСКАЙ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА

ЛЮБОВЬ СО
ВКУСОМ ВИШНИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление *Валерии Кольшевой*

Ранее книга выходила под названием «Смерть в наследство»

В оформлении обложки использована фотография:
© Mariia Korneeva / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Любовь со вкусом вишни : роман / Татьяна Алюшина. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210069-7

Вероника не похожа ни на одну из женщин, которых приходилось встречать Сергею. Она не умеет кокетничать, по-мужски собрана и логична. А еще на нее ведется настоящая охота, и жизни девушки грозит нешуточная опасность. Но Сергей готов совершить чудеса ради той, которая послана ему самой судьбой, чей вишневый запах кружит голову и преследует и во сне, и наяву.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210069-7

© Алюшина Т., 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Германия.
Пригород Берлина, апрель 1945 года

Земля содрогалась от разрывов снарядов, едкий дым, перемешанный с кирпичной пылью рухнувших зданий и жирными лохмотьями копоти, резал глаза и превращал день в серые мгlistые сумерки.

Советская армия обстреливала прямой наводкой пригород Берлина, готовясь к штурму. Немецкие части занимали еще уцелевшие здания, развалины, любые укрытия, где можно было закрепиться, превратив весь этот маленький городок, вплотную примыкавший к окраине Берлина, в сплошную линию обороны.

Советские орудия вели обстрел планомерно — квартал за кварталом, с юга на север.

На время артобстрела редкие неэвакуировавшиеся местные жители и солдаты прятались в убежищах и подвалах, переживая творившийся на улицах ад, с ужасом ожидая штурма русских войск.

Выходить на улицы и передвигаться по городу, вернее, по тому, что еще совсем недавно было тихим бургерским симпатичным городком, было сродни самоубийству.

Но у него не было выбора.

Сегодня должна состояться встреча с курьером, марш-агентом, как их называли и коим долгие годы в разных странах он проработал и сам.

В эти последние месяцы, когда уже был совершенно ясен исход войны, работа разведчиков стала непредсказуема. Согласовать время наступления советских войск, артобстрелов и встреч с курьерами, так чтобы не подвергать риску жизнь и работу резидентов, было практически невозможно. Ситуация менялась ежечасно, решения приходилось принимать на ходу, особенно здесь, на этом участке наступления Советской армии, а не там, где двигались союзники.

Курьер должен передать ему последнее задание, план ухода и забрать добытую ценнейшую информацию.

Переждав, пока огонь переместится севернее, он выбрался из своего убежища в пустынный догорающий город. Добраться до условленного места оказалось не так просто, несколько раз пришлось возвращаться и обходить улицы, безнадежно заваленные новообразовавшимися руинами разбитых домов.

Он свернул в один из переулков, чудом оказавшийся проходимым и даже вполне пригодным для проезда. Дома по обе стороны были черными от копоти пожаров, разбитые, но устоявшие.

В конце переулка он увидел автомобиль и насторожился. Двигатель урчал, работая на холостом ходу.

Странно! Машина, судя по номерам, принадлежала высокому абверовскому чину. Куда он мог ехать во время обстрела?

Немцы не высовывали носа из укрытий, пережидая бомбежки и артобстрелы. Должна иметься веская причина, чтобы кто-то решился на такой риск!

Очень, очень веская!

Поколебавшись, он подошел к машине и заглянул внутрь через разбитое боковое стекло.

В салоне находились четверо — шофер, сидевший рядом офицер высокого ранга и двое солдат сзади.

Осколки разорвавшегося в нескольких метрах впереди снаряда изрешетили крышу, верх кузова, выбили стекла и уничтожили всех находившихся в машине, невероятным образом не задев мотора, который так и продолжал работать.

Вдруг раздался непонятный звук.

И повторился громче.

— Подойдите ко мне! — жутким голосом прохрипел все еще живой офицер.

Один из осколков попал ему в горло. Рукой, обтянутой черной лайковой перчаткой, он зажимал рану и пытался что-то сказать. Кровь текла по руке, черная на черной перчатке, становясь ярко-красной на запястье и снова черной, стекая по рукаву кожаного форменного плаща.

— Вы патриот? — прохрипел офицер.

Ему оставались считанные секунды, было совершенно понятно, что жизнь уже ушла из него, странно, как он вообще мог еще говорить.

— Да, — ответил разведчик.

— Тогда приказываю вам доставить груз и бумаги!

Он закатил глаза, пытаясь вдохнуть, послышался неприятный булькающий звук.

— В папке пункт назначения, самолет ждет. Срочно! — Голос, больше похожий на шипение, становился все тише. — Документы не читать, ящик не вскрывать! Немедленно отвезите...

Офицер попытался еще что-то сказать, дернулся, и его рука безвольно упала.

Быстро открыв заднюю дверцу, разведчик проверил, живы ли солдаты на заднем сиденье. Нет. Он обошел машину, распахнул дверь со стороны шофера, вытащил его, уложил на асфальт и сел за руль. Взяв папку с документами из руки офицера, быстро пробежал бумаги глазами и задумался.

Собственно, думать было некогда!

Время мгновенных решений!

Он развернул машину и поехал совсем не в том направлении, куда приказывал ему двигаться отходящий в мир иной немецкий офицер.

На самой окраине городка располагалось здание, в котором размещалась автомастерская. Здание оказалось разрушено, но мастерская уцелела, даже ворота

устояли и дорожка к ним, конечно, заваленная битым кирпичом, но проехать по ней было возможно. Он приставил эту мастерскую несколько дней назад, когда разрабатывал маршруты отхода на самый крайний случай, привычно отмечая для себя любые мелочи. Ему нужно место и время, чтобы во всем разобраться.

В открытом багажнике машины стоял ящик с откинутой, словно распахнутый черный рот, крышкой, сверху лежала папка с документами. Разведчик сидел рядом на колченогом стуле, найденном в мастерской, курил и пристально смотрел на содержимое багажника, словно ждал от него ответа.

Он затушил сигарету, достал портсигар, неторопливо вытащил еще одну, щелкнул крышечкой, убрал портсигар, закурил и опять посмотрел на ящик.

Он видел свой смертный приговор и понимал это.

Кому бы из советского руководства он ни доставил этот груз, в любом случае его ждала смерть как наилучшая действенная мера по сокрытию сверхсекретной информации.

Но и бросить все это, спрятать и уйти он не мог, как офицер, как разведчик, как человек, прекрасно понимая всю ценность доставшегося груза.

Ему предстояла долгая ночь в компании трех покойников, все так же сидящих в машине.

Ему надо продумать все до мелочей, составить план и действовать, действовать!

Встреча с курьером сегодня так и не состоялась, такая вероятность была предусмотрена, как и вторая встреча, утром. Утром начнется штурм города. М-да...

Он вспомнил свой последний разговор с отцом.

Было совсем раннее утро, когда они, проговорив всю ночь, вдруг поняли, что настало время прощания, видимо последнего. Оба осознавали, что вряд ли после того, как отец осуществит задуманное, он останется жив.

Отец поднялся с кресла, выключил свет в комнате, отдернул тяжелые портьеры и распахнул оба окна.

Небо светлело, готовясь встретить солнце, за окном стояла предрассветная, особенно пронзительная тишина.

Клубы дыма от выкуренных ими за ночь папирос, висевшие под потолком, потянулись на улицу, медленно и лениво, как бы не желая расставаться с облюбованной комнатой.

Отец стоял у окна, засунув кулаки в карманы форменных брюк, и смотрел на предрассветную Москву.

— Правители приходят и уходят, сын, а отечество остается, — сказал он голосом, севшим за ночь от разговоров и дыма выкуренных сигарет. — Если когда-нибудь ты не будешь знать, как поступить, поступай на благо Родины. Не конкретного человека, стоящего во главе России, не идеологии, царящей в этот момент в стране, а в интересах отечества и народа, как бы высокопарно это ни звучало, даже если страна и народ никогда не оценят твоего поступка.

Отец повернулся к нему. В этот момент он казался невероятно красивым и почему-то молодым.

— Именно так, сын! Как русский офицер — в первую очередь интересы отечества, во вторую — жизнь и безопасность родных и близких, а уж потом все остальное! И еще! Береги себя, постарайся выжить в этой мясорубке и в той, которая грядет! Будь умнее, сильнее, хитрее всех своих друзей и врагов! На тебя остаются девочки, и их надо защитить во что бы то ни стало!

Он давно приучил себя думать на языке той страны, в которой работал. И сейчас, поймав себя на том, что мысленно переводит слова отца на немецкий, улыбнулся.

— Да, отец, — сказал мужчина по-русски. — В интересах страны.

Он уже принял решение и придумал план, теперь надо обдумать все мелочи, все детали, кропотливо, точно, предусмотрев несколько вариантов, но сначала... Он взял папку, вытащил из нее два документа и еще раз перечитал текст.

— А это надо уничтожить, — уже на немецком сказал он, — в тех самых интересах отечества.

Затем достал зажигалку, поджег листы и, глядя на разгорающийся огонь, поставил себе основную задачу:

— Значит, надо сохранить все это добро неожиданное и при этом выжить самому!

Москва наши дни

Еще в лифте Вероника достала из сумочки ключи от квартиры: так ей не терпелось оказаться поскорее дома.

Лифт, как и сам дом, был старый, добротный, обшитый внутри деревянными рейками, с двумя дверцами, открывающимися внутрь, и одной наружной. Ехал он неторопливо, очень солидно, как и положено в таком возрасте. Первый раз за все время, которое она здесь прожила, а прожила она здесь всю свою тридцатилетнюю жизнь, Ника мысленно поторапливала: «Ну, давай же, побыстрее, ну пожалуйста!»

Правда, не сильно настаивала — у лифта имелся свой, очень непростой характер.

Нике ужасно хотелось в свою любимую квартиру. Она соскучилась по дому, по тяжелой входной двери, которую надо обязательно потянуть на себя, чтобы открыть замок, по вздоху паркетных половиц в прихожей, они именно вздыхали, а не скрипели, по родному, знако-

тому с детства запаху их дома, их жизни, вернее, теперь только ее жизни.

Мягко, с достоинством лифт остановился на четвертом этаже.

«Овсянка, сэр!»

— Спасибо, — поблагодарила его Ника.

Она торопливо вставила ключ в замочную скважину, потянула на себя дверь, замок щелкнул, и, переступив порог, девушка локтем нажала выключатель, его все включали локтем, входя в дом, всегда.

Прихожую приветливо и уютно залил желтый свет, и обрадованно вздохнули половицы, приветствуя ее.

— Я тоже очень рада!

И Ника вдохнула запах родного дома.

Застоявшийся воздух давно не проветриваемого помещения усиливал аромат дома, делая его слишком насыщенным, немного приглушая радостное настроение и нетерпеливое ожидание встречи.

— Сейчас проветрим! — пообещала она квартире.

Бросив сумку с вещами на пол возле вешалки, скинув обувь, она прошла по всем трем комнатам, распахивая окна.

— Хорошо, что цветов нет, а то завяли бы все.

Цветов, или «комнатных растений», как называла их мама, дома было всегда много. Разных: больших в огромных глиняных горшках, средних, маленьких, высоких и низеньких, пушистых и с тонкими стеблями, цветущих и нецветущих. Они стояли в каждой комнате,

в кухне и даже в ванной на окне: была в их доме такая экзотика — окно в ванной, а в прихожей пристроился какой-то экзотический лохматый куст. И Сонечка объясняла им всем, что это очень редкий экземпляр, он любит темноту, и все время повторяла его название, которое никто так и не запомнил.

— Сонечка! — смеялась мама. — Ну какое растение может любить темноту?

— Это, — отвечала Соня.

Но, как ни странно, куст жил-поживал, желтеть и чахнуть не собирался, и по всему было видно, что он вполне доволен условиями, впрочем, как и вся остальная растительность.

После Сониной смерти все цветы разом стали болеть, сохнуть и умирать. Что только Ника не делала: и поливала разными прикормками, и достав с самой верхней книжной полки старинную Сонечкину книгу по уходу за цветами, лечила их по написанным там правилам, она даже разговаривала с ними, бесполезно — цветы без Сони не жили.

Ника рассказала бабуле о такой напасти, и та договорилась с приятельницей, что она, то бишь приятельница, заберет все цветы к себе на дачу, где постоянно проживает последние годы. В один «прекрасный» день внук этой самой дамы приехал на грузовой машине и вывез всю их растительность. Скопом.

Судьбой этих цветов-предателей Ника не интересовалась — все, вывезли и вывезли! Странно, никого из

своих родных она не обвиняла в уходе, не считала, что ее предали, бросили одну на этом свете, а вот цветы обвиняла.

— Ладно, все, проехали! — сказала она себе.

Она часто стала разговаривать сама с собой, так было лучше, гораздо лучше, чем слушать звенящую тишину дома.

Ника прошла в ванную, пустила воду, добавила ароматной пены с запахом лаванды, сняла с себя всю одежду и, затолкав ее в стиральную машинку, протянула руку к халату, висевшему на дверце, но передумала:

— Нет, я, наверное, вся больницей воняю, сначала вымоюсь.

Так голой и прошла в кухню, набрала воды в чайник, включив конфорку, поставила на плиту на медленный огонь, смотрела на него, не видя, вспоминая.

Сонечка категорически не признавала электрические чайники.

— В нем вода получается невкусной, быстрой, — поясняла она, — вода должна закипать медленно, на маленьком огоньке, тогда и чай будет хороший.

Ника не спорила, она с Сонечкой никогда не спорила, поводов не было. Они вообще жили очень дружно, «душа в душу», как говорила Сонечка.

— Да что такое?! Что тебя сегодня понесло-то в воспоминания? — возмутилась громко Ника, тряхи-вая с себя, изгоняя тоску.

«Просто я давно не была дома, вот и вздыхаю вместе с квартирой, она тоже соскучилась. Ладно, надо принять ванну, устроить уборку, и все наладится!»

Вода в ванной шумела, чайник мирно посапывал, готовясь закипеть, Ника протянула руку к полке за кружкой и удивилась — все кружки стояли не так, как обычно.

— Странно, Милка, что ли, их переставила?

Нет, конечно, в их семье не было педантов и чистюль таких, чтобы до занудства, но существовали правила, которые всегда соблюдались, давно заведенные, например, чашки на полке. Они всегда стояли ручками в одном направлении — к окну. Просто все так к этому привыкли, что по-другому и не ставили.

— Странно! — повторила Вероника.

Чайник закипел, Ника заварила чай, достала из шкафчика варенье, выключила воду в ванной и, с удовольствием выпив чаю с вареньем, отправилась «заплывать».

Належавшись до одури в пенно-горячей ванне, с радостью облачившись в чистый банный халат, она двинулась обходить свои «хоромы», теперь уж здороваясь основательно с родным домом.

Чем дольше Ника ходила по квартире, тем больше и больше в ней нарастало непонятное беспокойство и тревога.

— Что за черт? — спросила она «хоромы».

Ее не отпускало ощущение, что в доме побывали чужие люди, кто-то посторонний. Так случается, когда

иногда приходишь в любимый дом и с порога вдруг чувствуешь, что был кто-то чужой, какие-то гости, и они давно ушли, не оставив даже запаха и следов, — а вот ты все равно точно знаешь, что кто-то был.

Затянув пояс халата потуже, она двинулась на второй круг обхода, более внимательно присматриваясь к мелочам.

Расшитые диванные подушечки лежали не так, как обычно, ваза, всегда стоявшая на подоконнике, сейчас оказалась на столе, Сонино любимое кресло передвинуто. Ника обнаружила массу предметов, которые оказались передвинуты, или перевернуты, или переложены и находились вообще не там, где обычно, даже фотоальбомы. Тяжелые, старые, еще довоенные, в настоящем кожаном переплете, они всегда лежали в определенном порядке, который сейчас оказался нарушен.

— Милка, что ли, порядки наводила? — Девушка специально громко задала себе этот вопрос, чтобы немного успокоиться.

Но она чувствовала, что не Милка! Не Милка, а кто-то совсем чужой, враждебный, не из ее жизни, был здесь и все осматривал, переворачивал, трогал своими руками!

«Да зачем?! Кому это нужно?» — недоумевала она.

И ринулась торопливо проверять Сонечкины «драгоценности»: шкатулку с несколькими золотыми кольцами, цепочками, серьгами, какими-то безделушками, — все находилось на месте. Ничего не пропало.

— Кому это нужно?! — теперь уже вслух возмущенно спросила Вероника. — Все здесь обыскивать, что искать-то? И ничего же не взяли — вон и телевизор на месте, и видик, и Сонина шкатулка! Может, все-таки Милка? — уговаривала она себя.

Милка была ее подругой, единственной и не такой уж задушевной, но все-таки подругой. Самой близкой являлась Сонечка и еще бабуля, собственно, Соня тоже была ее бабушкой, маминой мамой, но в семье ее всегда называли по имени, и никакого другого обращения к ней как-то не приживалось, да никто и не пытался.

Ника вышла в прихожую проверить, все ли там на месте, и споткнулась взглядом, телом, умом.

Страх ударил куда-то под колени, ноги сами собой подкосились. Привалившись спиной к стене, она не могла оторвать взгляда от маленького столика, на котором стоял телефон, так и съехала спиной по стене и села на пол.

Исчезла телефонная книжка! Старая, потрепанная, толстая, раздувшаяся от засунутых в нее разнокалиберных бумажек и заметочек, на которых писались чьи-то телефоны и адреса, так как сама книжка была давным-давно исписана от корки до корки. Она являлась, наверное, такой же старой, как и сам телефон — черный, квадратный, с тяжелой трубкой, еще довоенный, он так всем нравился, что никто не желал сменить его на новый.

Нике в детстве казалось, что из этой тяжелой трубки должен обязательно раздаться суровый мужской голос, который произнесет что-то вроде:

— Сейчас с вами будет разговаривать товарищ Сталин.

Это папа как-то пошутил, когда она, будучи в возрасте трех или четырех лет, придвигала табурет к столику, двумя руками поднимала трубку, прикладывала ее к уху и зачарованно слушала гудок. Кто такой «товарищ Сталин», тогда маленькая Ника не знала, но ей казалось, что на такой солидный телефонный аппарат он должен всенепременно позвонить.

Периодически мама или папа не могли отыскать нужный номер в книжке и повторяли, что давно пора завести новую и аккуратно все туда переписать, это не книжка вообще, а Бермудский треугольник какой-то, но нужный номер наконец находился и про новую книжку благополучно и надолго забывали, до следующего нервного поиска. Два раза в году Соня наводила порядок, который сводился к тому, что все записочки с адресами и телефонами подкладывались под соответствующие буквы на страничках, но уже через месяц-два непонятным образом они умудрялись перекочевывать куда угодно, только подальше от нужной буквы.

Ника смотрела на пустое место на столике, где всегда — вот всегда! — лежала, а теперь отсутствовала эта замечательная книжка, и ничего не понимала.

И вдруг неожиданно и громко зазвонил телефон, больно ударив резким звуком в перепонки. Ника вздрогнула всем телом и резко поднялась, от чего у нее тут же закружилась голова. Надавив на виски пальцами, деvушка уставилась на телефон.

«Сюрприз! — как любят говорить американцы, вяло, как через вату тягучую, образовавшуюся в мозгу, подумала она. — Вот тебе и сюрприз! Как-то их много на мою голову, на мою голову вообще всего слишком много в последнее время! И не в последнее тоже. Тогда как сказать: на первое? Или так неправильно говорить? О чем ты думаешь, идиотка?!»

Телефон все звонил и звонил, методично, настойчиво, выдерживая долгие паузы между гудками, явно не собираясь замолкнуть.

Ника дернулась всем телом, шумно выдохнула, скидывая оцепенение и испуг, и, разозлившись на себя за глупости напридуманные, резко сняла трубку.

— Слушаю вас, — четко выговаривая слова, ответила она.

— Здравствуйте! — поприветствовал ее спокойный, ровный мужской голос. — Вероника Андреевна?

— Да.

— С возвращением!

— Спасибо. С кем имею честь беседовать? — Голос незнакомца ей сразу не понравился, и она точно знала, что ничего хорошего от него не услышит.

— Меня зовут Михаил Иванович, но мое имя вам ничего не скажет, меня вы не знаете. Впрочем, главное, что я знаю вас.

— И вы от меня чего-то хотите, — констатировала Вероника Андреевна с нескрываемой неприязнью.